

— Чанфу, да он тебя до такого состояния избил, а ты всё ещё защищаешь того шуаньэра?! — со слезами и злостью в голосе воскликнула мать Ли. — Да если уж дошло до такого, пусть даже и в ямене разбираться будут, ты только держись своей версии, будто вовсе не из-за мяса семьи Цинь туда пошёл, а просто потому, что тебя позвали для вида. Что они тогда смогут сделать? Придётся им дать объяснение!

Она вытирала глаза, полные обиды и жалости к сыну. С самого она начала знала, что Куй У - человек свирепый, неуправляемый, но чтобы до такой степени?

Вдруг её осенило. Она резко взглянула на сына и прищурилась:

— Скажи-ка мне начистоту... Ты ведь всё ещё держишь в сердце того шуаньэра из семьи Цинь, верно? Вот потому и молчишь, потому и терпишь, не даёшь мне пойти в ямен!

Ли Чанфу и без того едва дышал, после пинка Куй У в грудь дыхание никак не восстанавливалось. А тут, услышав такое, вспомнил, с чего началось все это побоище и позор - всё из-за того, что он в горячке проговорился в присутствии Куй У, позволив себе неосторожные слова о Цинь Хэ. А если теперь этот страшный человек услышит ещё и как мать его распускает язык, пуская слухи... Да он его точно прикончит!

Его тут же охватила паника, он закашлялся, будто подавился, и задышался, пугая мать, которая снова бросилась к нему с плачем.

— Мама... ты же моя родная мать... — выдавил он сквозь дыхание. — Пожалуйста, никогда больше... не говори об этом. Никогда...

Мать Ли с недоумением уставилась на сына, не понимая, отчего он так испугался.

Ли Чанфу, отдышавшись и дождавшись, пока боль в груди немного утихнет, наконец заговорил:

— Если подобные слова пустят в народ посторонние, мы ещё можем сказать, что всё это выдумки. Но если ты сама, мама, скажешь это вслух, тогда уж неважно, правда это или ложь: раз исходит от тебя, значит, все примут за чистую монету. И что тогда? Скажут, будто я позарился на шуаньэра, у которого уже есть муж... Что это сделает со мной как с ученым? С моим именем будет покончено, и о карьере можно забыть. Потому, мама, я тебя прошу: ни в доме, ни на людях больше никогда об этом не говори. А если услышишь, что другие распускают подобные слухи, ты обязана тут же их пресечь, жёстко и решительно. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы меня хоть как-то связали с фуланом из семьи Куй.

Мать Ли только теперь всё поняла. Увидев, с какой серьёзностью говорит сын, она почувствовала: дело и правда крайне опасное. Она тут же насторожилась, в душе поселилось беспокойство.

— А в ямен? — спросила она, всё же не теряя надежды на справедливость.

— И подавно нельзя, — у Ли Чанфу действительно не хватило духу признаться матери, как он, человек с учёной притязаниями, пытался увести чужого супруга, да ещё подговаривал шуаньэра сбежать прямо перед лицом его мужа. Он не мог этого произнести и потому увёл разговор в сторону: — Как бы там ни было, но факт остаётся фактом: Цинь Пин действительно украла деньги, выделенные на спасение жизни Цинь Хэ, купила на них мясные баоцзы, и в итоге съел их я.

— Но ведь ты не знал, что это были его спасительные деньги! — воскликнула мать, волнуясь.

— Не знал, — кивнул он. — Но кто в это поверит?

— Тогда я сама выйду, всем расскажу! Объясню! Буду, как Куй У сегодня, в гонг бить, всех соберу и всё им объясню!

— Ни в коем случае, — резко оборвал он. — Чем больше будешь говорить, тем хуже сделаешь. Чем больше оправдываешься, тем сильнее пачкаешься. Теперь остаётся только одно: разорвать помолвку.

Ли Чанфу с отвращением вспоминал о Цинь Пин. Она с самого начала была ему не по душе, он лишь использовал помолвку с ней, чтобы подобраться поближе к Цинь Хэ. А теперь, после всего случившегося, мысль о браке с ней и вовсе казалась ему невыносимой.

— Повод у нас уже есть, — продолжал Ли Чанфу, голос у него стал холодным и расчётливым. — Одного ё того, что она украла у родного брата спасительные деньги, достаточно. Разрыв помолвки - лучшее, что мы можем сделать. Как только мы открыто займём такую позицию, все сразу поймут: мы не были в сговоре, нас попросту держали в неведении. Ведь если бы мы были замешаны, семья Цинь не позволила бы нам вот так просто расторгнуть помолвку. Это будет красноречивее любых оправданий, и наша репутация частично восстановится.

Увидев, что мать всё ещё не отказалась от мысли идти в ямен, Ли Чанфу был вынужден добавить:

— Если начнётся следствие, если дойдёт до разбирательства, пусть даже правда будет на нашей стороне, слухи всё равно расползутся. А у меня в следующем году экзамен. Мне нельзя ввязываться в скандалы.

Глаза его на мгновение потемнели, в них сквозила злоба:

— Пока что. Но когда я сдам экзамен... Вот тогда, будь он хоть трижды Ша-шэнем, хоть десять раз, всё равно встанет на колени и будет биться головой об пол у моих ног. Мама, потерпи. Немного. Всего несколько лет.

А тем временем Куй У, наконец выпустивший из сердца накопившуюся злость, шёл домой налегке и даже с радостью. Удовлетворённый, он и сам не заметил, как проголодался. Вернувшись, он тут же развёл огонь прямо во дворе и взялся за баранью ногу.

Во всём остальном Куй У не был мастером, но вот запечь баранину он умел как никто. Ножка получилась отменная - мягкая, но не жирная, сочная, но без запаха. Каждый кусок таял во рту: снаружи хрустящая корочка, внутри нежное, сочное мясо. Сдобренная душистым перцем и пряным кизилом, эта простая еда ничуть не уступала лучшим шашлыкам, приправленным целыми горстями специй в постапокалиптическом мире.

— Это уж по моей части, — с довольным видом сказал Куй У. — Думаешь, твой муж все эти годы по свету с товарами бегал просто так, для забавы? У кочевников скота пруд пруди: быки, бараны, козы, чего только нет, мясо там всюду. По их землям ходишь и постоянно этим питаешься. Ну, а если живёшь там достаточно долго, сам не заметишь, как руку набьёшь на жарке.

Цинь Хэ с улыбкой ел срезанные Куй У куски баранины, подняв глаза к чистому небу. То было не серое и мрачное небо постапокалипсиса, а прозрачное, вымытое, ярко-голубое, словно после дождя. Он вдруг почувствовал, каким простым может быть счастье, и как ему хорошо. Оказывается, жизнь без зомби - это так прекрасно.

Куй У передал супругу ещё кусок, но тот не взял. Он поднял глаза и увидел, как Цинь Хэ, слегка прищурившись, смотрит в небо. На его лице была тень улыбки, черты тонкие, спокойные, чистые. Вся его поза дышала удовлетворением и покоем. Куй У невольно расплылся в широкой улыбке: его фулан и вправду был нетребователен: стоит дать поесть, и уже счастлив. Вот и надо постараться, подумал Куй У, заработать побольше, чтобы его хорошо кормить.

Так прошли три дня. Приближался Новый год, и в один из дней во двор пришли двое из старых компаньонов Куй У, с кем он вместе водил торговые караваны.

Сначала за воротами слышалось птичье щебетание - вроде бы обычное чириканье воробьёв, да только Куй У, лежавший на постели, сразу уловил в этом сигнал: те самые короткие и длинные свисты, условные знаки, по которым они общались. Это были его люди. Он медленно, не спеша, встал с постели, стараясь не потревожить спящего рядом фулана. Быстро накинул одежду и, застёгивая пояс уже на ходу, он направился к выходу.

Увидев, как Куй У выходит, два его товарища у ворот сразу загоготали.

— Хе-хе... — Кун Лу похабно подмигнул, — Старший брат ещё не встал? Значит, вчерашняя ночь была бурной? Это ты, брат, наконец-то почувствовал, как хорошо быть женатым?

Второй, здоровяк Цао Мэн, сделал вид, будто толкнул Кун Лу локтем и с наигранным возмущением воскликнул:

— Эй, что за слова такие? Да кто ж не знает, что быть женатым хорошо! Разве не потому мы, здоровенные мужики, и вкалываем как проклятые, чтобы заработать денег для жен, — потому что знаем: они того стоят. А старший брат Куй У раньше не женился не потому, что не знал, как хорошо в браке, а потому, что никто не смел за него выйти.

Куй У фыркнул, холодно глянув на обоих. С этими парнями у него не было и тени той мягкости, что с Цинь Хэ, — перед ними он был резок, как всегда. Он завязал пояс, прислонился к воротам и прищурился:

— А вы с какого перепугу начали за моей спиной болтать?

Цао Мэн тут же вытянулся, лицо сделалось серьёзным:

— Кто смеет? Да кто посмел бы! Мы ж не болтаем, а восхищаемся, говорим, мол, твой фулан — пронцательный человек. Разглядел жемчуг в куче песка, сразу увидел героя!

— Вот это уже другое дело, — медленно кивнул Куй У, сделав вид, что поверил. И с совершенно серьёзным видом добавил: — Мой супруг вполне доволен, что смог выйти за меня.

— Кх-кх... — Цао Мэн чуть не подавился собственной слюной. Ему и вправду было не понять, откуда у Куй У такая уверенность. Ведь весь город Дишуй прекрасно знал: Цинь Хэ даже пытался утопиться, чтобы не выходить за него замуж.

— Цао Мэн! — Куй У прищурился с явным недовольством. — Это ещё что за выражение лица?

Кулаки у него зачесались. Парнишка, видно, сам нарывается на тренировку.

А Цао Мэн отлично знал, что такое кулак Куй У — однажды получил, и до сих пор плечо ломит. Он мигом замотал головой и замахал руками:

— Нет-нет, правда! Я просто подумал, ты ведь и правда крутой, да о тебе просто не знают. Узнали бы, так любая очередь бы заняла, лишь бы замуж за тебя пойти! Кто бы отказался?

— Само собой, — с самодовольной важностью хлопнул себя по груди Куй У. — Силушка у меня — будь здоров, в постели как буря, попробуй найти недовольного. А главное, могу кормить своего фулана мясом хоть каждый день.

Цао Мэн: ...

Кун Лу: ...

Теперь им окончательно стало ясно, почему их брат только после двадцати и «обрёл счастье», да и то еле-еле втащил невесту в дом.

Куй У глянул на них с прищуром:

— Ладно, хватит трепаться. Вы зачем пришли?

Пришли так рано, обниматься с фуланом мешают.

Кун Лу бросил взгляд на высоко стоящее солнце и понял - с таким человеком, у которого мозги привязаны к поясу супруга, лучше не рассуждать. Поэтому без лишних прелюдий сказал:

— Братья решили до конца года ещё раз выйти в торговый рейс.

Куй У замолчал, на миг задумавшись. Он только женился, и совсем не горел желанием снова мчаться в дорогу. Если уж и идти, то после праздников, а не сейчас.

Но Цао Мэн не унимался:

— Брат, ты ведь знаешь, в прошлый раз с той поездки мы почти ничего не привезли. Да что там, чудом живыми выбрались. Сейчас, перед самым праздником дома даже к праздничному столу ничего не приготовлено, у братьев в карманах пусто. Все семьи ждут этих денег, только на них и Новый год встречать. Вот и решили рискнуть ещё раз до конца года.

Прошлая поездка и впрямь едва не стала последней. Они столкнулись с хускими воинами, потеряли весь товар, а один из их братьев погиб. Остальные с трудом унесли ноги. И всё же, вернувшись, каждый из них собрал по лянну серебра и молча отнёс семье погибшего. Они не стали говорить, что это их помощь, сказали: «Это его доля с прибыли, которую он успел заработать».

Никто из братьев не возмутился. Даже если не говорить о братстве, каждый понимал: торговать с кочевыми племенами это всегда риск. И если однажды погибнешь сам, хочется хотя бы быть уверенным, что родные не останутся с пустыми руками.

Куй У подумал и сказал:

— Ладно. Передайте остальным, пусть готовятся. Через пару дней...

— Ничего подобного! — не дал ему договорить громкий голос.

Несколько человек одновременно повернули головы. Они не заметили, когда именно Цинь Хэ

вышел, а он уже шёл к ним быстрым шагом. Не успел он пройти и нескольких шагов, как споткнулся. Куй У тут же рванул к нему и с серьёзным лицом подхватил под руку:

— Зачем ты встал? Ещё же рано.

Рано? Солнце уже чуть ли не пятки жжёт, подумал Цинь Хэ и метнул в него сердитый взгляд, незаметно потирая себе поясницу.

— Разбудили брата Циня, — с виноватым видом буркнули Цао Мэн и Кун Лу, поздоровавшись с Цинь Хэ. Вид у них был немного смущенный.

Дело в том, что раньше Цинь Хэ не особо жаловал их компанию. Когда они с Куй У пришли в семью Циня делать предложение, Цинь Хэ ни разу не удостоил их добрым взглядом. Именно поэтому они не вошли в дом, а тайно подражали птичьим крикам, чтобы вызвать Куй У наружу.

Цинь Хэ же, к их полному изумлению, тепло им улыбнулся и сказал:

— Пойдёмте в дом, поговорим как люди.

Цао Мэн и Кун Лу переглянулись, будто увидели привидение. По их прикидкам, если бы Цинь Хэ их не выгнал с порога - это уже было бы милостью. А тут вежливо, с улыбкой, да ещё сам пригласил в дом!

Куй У обернулся и зыркнул на застывших у дверей товарищей:

— Что, ждёте, пока я вас внутрь на руках занесу? Шевелитесь!

Цао Мэн с Кун Лу не смели перечить и быстренько протиснулись в дом следом, заодно задвинув засов. И тут же оба остановились, не скрывая удивления: перед ними, плечом к плечу, шагали Куй У и Цинь Хэ, даже будто бы дышали слаженно. Настоящая пара.

«Подождите-ка, — переглянулись братья. — Разве брат Цинь до свадьбы не вешался и в реку не кидался, лишь бы не идти за него? Как же так: прошло всего несколько ночей, и будто подменили! Да они, гляди, душа в душу живут!»

Неужто, как говорил старший брат, и правда, если ублажить в постели и обеспечить мясом, то в остальном фулан будет ласков и доволен?

Только... это ведь совсем не похоже на их собственный опыт общения с девушками. Уж сколько лет они за своими женами ухаживают - и цветы, и тряпки, и уговаривают часами, без толку. А тут...

Почёсывая в затылке, оба пришли к выводу: видать, шуаньэры и девушки существа всё ж разные. Их в городе немного, и опыта общения с ними почти ноль. А характер, похоже, действительно другой.

Цинь Хэ провёл их в главную комнату и уже собрался было развести огонь, но Куй У тут же перехватил у него щепу, прогнал к лавке отдохнуть и сам занялся делом, не заботясь о том, как это выглядит в глазах братьев. Цао Мэн с Кун Лу снова обменялись взглядами: вот оно как... Наш старший брат, пугающий весь Дишуй своей свирепостью, оказывается... подкаблучник. Кто бы поверил, ха...

Видя, что вода вот-вот закипит, Цинь Хэ положил в неё ложку сахара, после чего разлил сладкую воду по четырём чашкам.

— Спасибо, невестка, — хором сказали Цао Мэн и Кун Лу, глядя на угощение так, будто их только что осыпали серебром.

Цинь Хэ лишь сдержанно улыбнулся.

— Я слышал, вы собрались снова выйти в путь?

Цао Мэн кивнул.

— Я против не потому, что упрям или неразумен, — спокойно начал Цинь Хэ. — Просто я считаю, что сейчас для этого не лучшее время.

— Но ведь, — неуверенно возразил Кун Лу, — с хучженями сейчас идут переговоры о мире, разве нет?

— Именно. Но хучжени коварны. Никто не может поручиться, что переговоры не прикрытые, не затягивание времени, и не часть более коварного плана, — серьёзно произнёс Цинь Хэ. — Если удастся договориться, конечно, прекрасно. Но если переговоры провалятся, то они обязательно воспользуются этим моментом. Сейчас, когда Канцзин-ван не находится в городе, для них открывается редкая возможность. И если они действительно затеяли что-то, именно сейчас идеальное время для наступления. А если вы в это время окажетесь как раз на их территории, последствия могут быть крайне опасны.

Положение дел при дворе никто не может предсказать точно, а простому народу, без глаз и ушей в столице, остаётся лишь строить догадки. Потому Цинь Хэ и считал: лучше перестраховаться, чем потом жалеть.

Цао Мэн с Кун Лу, кажется, и сами задумались. В прошлый раз, когда они отправились в торговый рейд, всё начиналось спокойно. Выехали - тишина, ни шума, ни тревоги. А как только собрались возвращаться, началось. Бой вспыхнул внезапно, и они угодили прямоком под удар

хуских отрядов. Один брат тогда погиб, остальным лишь чудом удалось вырваться. Могли и все там остаться, просто повезло.

Цинь Хэ, уловив перемену в их лицах, спокойно продолжил:

— Вот я и думаю: если уж и идти торговать, может, стоит подождать, пока ван вернётся из столицы? А там уже станет ясно: будет война или нет. Тогда и решать.

<http://bllate.org/book/13598/1205826>